

Безмолвная

Автор:

[Райчел Мид](#)

Безмолвная

Райчел Мид

Жестокие игры

Каково это: не слышать голоса родных и близких?

Жители горной деревушки давно глухи. Еще их предки потеряли слух, о чем сложены и записаны легенды. И художница Чжан Цзин – не исключение.

Но если к глухоте все давно привыкли, то как справиться с надвигающейся слепотой? Из-за испарений ядовитых паров из шахт по добыче металла жители деревни начинают терять зрение. Надеяться на помощь далеких горожан бесполезно – алчное правительство и слышать не желает о проблемах.

Остается единственное средство – призвать Бисю, мифических существ в виде крылатых львов. Но правдивы ли древние легенды или всех жителей деревни ждет неминуемая гибель?

Впервые на русском языке!

Райчел Мид

Безмолвная

Richelle Mead

Soundless

© Черезова Т.Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2016

Глава 1

Моя сестра вот-вот попадет в неприятности, и у меня всего пара минут, чтобы ее выручить.

Она этого не видит. В последнее время она мало что видит, в том-то и проблема.

«Мазки неправильные, – говорю я ей на языке жестов. – Линии кривые, и часть оттенков ты передала плохо».

Чжан Цзин отступает от своего холста. Изумление на ее лице тут же сменяется отчаянием. Такие ошибки появляются у нее не в первый раз. Чутье подсказывает мне, что и этот не станет последним. Я чуть повожу рукой, предлагая ей передать мне свою кисть и краски. Она колеблется и обводит взглядом студию, проверяя, не наблюдают ли за нами соученики. Они поглощены собственными картинами: их стимулирует мысль о том, что Наставники вот-вот придут оценить нашу работу. Их спешка почти осязаема. Я повторяю свой жест, на этот раз более решительно; Чжан Цзин отдает свои инструменты и, посторонившись, позволяет мне действовать.

Я стремительно принимаюсь за холст, исправляя ее недочеты, – приглаживаю неуверенные мазки, утолщаю слишком тонкие линии, песком промокаю те места, где тушь легла слишком густо. Каллиграфия поглощает меня – как поглощает любое изобразительное искусство. Я забываю об окружающем мире и даже не особо замечаю, о чем именно говорит ее работа. Только закончив исправления и отступив назад, чтобы оценить результат, я осознаю, какие именно новости она зарегистрировала.

Смерть. Голод. Слепота.

Еще один мрачный день в нашем поселке.

Мне нельзя на этом сосредотачиваться: вот-вот могут войти Наставники.

«Спасибо, Фэй», – говорит мне знаками Чжан Цзин, а потом забирает инструменты.

Я отрывисто киваю и быстро возвращаюсь к своему полотну у другой стены. Пол сотрясается, возвещая о приходе Старейшин. Я глубоко вздыхаю, радуясь, что снова смогла избавить Чжан Цзин от неприятностей. Однако с облегчением приходит и ужасающая мысль, которую я больше не в состоянии отрицать: моя сестра слепнет. А это – серьезная проблема в поселке, где никто не слышит.

Необходимо изгнать эти мысли и натянуть на лицо маску спокойствия: мой Наставник приближается, шагая мимо рядов картин. В поселке шесть Старейшин, и каждый обучает не меньше двух подмастерьев. Как правило, каждый Старейшина знает, кто придет ему или ей на смену, но из-за множества несчастных случаев и болезней подготовка дублера становится необходимостью. Некоторые из подмастерьев все еще конкурируют между собой за право стать заменой своему Старейшине, но мне за свое положение можно не тревожиться.

Старейшина Чэнь уже подошел, и я сгибаюсь в низком поклоне. Его темные глаза смотрят мимо меня, на мою работу, зоркие и внимательные, несмотря на его преклонный возраст. Его одежда – синяя, как и на остальных, но туника поверх брюк длиннее, чем у подмастерьев. Она доходит ему почти до лодыжек и украшена пурпурной шелковой нитью. Я всегда рассматриваю эту вышивку, пока он проверяет; мне это не надоедает. В нашей повседневной жизни очень мало красок, так что эта шелковая нить становится ярким, драгоценным пятном. Любая ткань является здесь роскошью, ведь нам с трудом удается добывать хлеб. Рассматривая пурпурную вышивку Старейшины Чэня, я вспоминаю старые легенды о королях и аристократах, которые одевались в шелка с ног до головы. Этот образ на мгновение ослепляет меня, унося из студии, а потом я моргаю и неохотно возвращаюсь мыслями к своей работе.

Проверяя мою иллюстрацию, Старейшина Чэнь совершенно неподвижен, его лицо непроницаемо. Пока Чжан Цзин изображала вчерашние мрачные новости, мне было поручено нарисовать недавнюю поставку продуктов, среди которых оказалась удивительная редкость – редиска. Наконец он опускает сцепленные перед собой руки. «Ты передала дефекты кожицы редисок, – говорит он мне знаками. – Почти никто не заметил бы такой детали».

Он отходит проверить работу своего второго подмастерья – девушки по имени Цзинь Луань. Она успевает бросить на меня завистливый взгляд и низко кланяется Наставнику. Нет никаких сомнений в том, кто из нас – любимая ученица, и я понимаю, как ей должно быть досадно, – несмотря на все свои усилия, она не может добиться первенства. Я вхожу в число лучших художников нашей группы, и мы все это прекрасно знаем. Не собираюсь просить прощения за свои успехи, тем более что мне пришлось стольким ради этого пожертвовать.

Я смотрю в дальнюю часть класса, где Старейшина Лянь проверяет каллиграфию Чжан Цзин. С таким же непроницаемым лицом, как и у моего Наставника, Старейшина Лянь рассматривает все детали полотна моей сестры. Я замечаю, что затаила дыхание и волнуюсь гораздо сильнее, чем из-за собственной работы. Стоящая рядом с иллюстрацией Чжан Цзин бледна. Я знаю, сестра напряженно ждет того же, что и я: Старейшина Лянь разоблачит нас, поймет, что мы скрываем правду о зрении Чжан Цзин. Старейшина Лянь задерживается гораздо дольше, чем Старейшина Чэнь у своих подмастерьев, но наконец-то коротко кивает, принимая работу, и переходит к следующей ученице. Чжан Цзин расслабляется.

Мы снова их провели, но я из-за этого не переживаю. Ведь решается судьба Чжан Цзин! Если Старейшины узнают, что у нее портится зрение, она почти наверняка потеряет место подмастерья и будет отправлена в шахты. При одной мысли об этом у меня сжимается сердце. В нашем поселке есть только три профессии: художники, шахтеры и поставщики. Наши родители были шахтерами. Они рано умерли.

Когда проверка заканчивается, наступает время утренних объявлений. Сегодня их делает Старейшина Лянь: она поднимается на помост, благодаря которому всем собравшимся видны ее руки.

«Ваши работы удовлетворительны, – сообщает она. Это – обычное уведомление, и мы все кланяемся. Когда мы снова смотрим на нее, Старейшина продолжает: –

Никогда не забывайте о том, насколько важно то, что мы здесь делаем. Вы – часть древней и благородной традиции. Вскоре мы выйдем в поселок и начнем наши ежедневные наблюдения. Я знаю, что все сейчас непросто. Но помните: вмешиваться нам не положено».

Она делает паузу и обводит взглядом всех нас. Мы согласно киваем: эту мысль вбивают в нас не менее усердно, чем наше искусство. Вмешательство отвлекает жителей, нарушает как привычный уклад жизни поселка, так и ведение точного учета. Мы должны быть бесстрастными наблюдателями. Изображение ежедневных новостей стало традицией нашего поселка уже много веков назад, когда все жители лишились слуха. Говорят, что до этого новости выкрикивал городской глашатай или же их передавали устно от человека к человеку. Но я даже толком не знаю, что такое «крик».

«Мы наблюдаем, и мы регистрируем, – еще раз повторяет старейшина Лянь. – Это – священный долг, который мы выполняем уже много веков, и нарушение его вредит как нашему делу, так и поселку. Всем жителям нужны наши записи, чтобы понимать, что вокруг них происходит. А нашим потомкам понадобятся эти записи, чтобы понимать, как все было устроено прежде. А теперь идите завтракать и не посрамите ваших Наставников».

Мы снова кланяемся и бредем из класса, направляясь в столовую. Наша школа называется «Двор Зимородка»; предки принесли с собой это название из прекрасных далеких стран за горой, оно должно напоминать о той красоте, которую мы создаем в стенах школы. Пусть мы всего лишь запечатлеваем самые элементарные новости (вроде подвоза редиски), но наши работы все равно должны оставаться безупречными и достойными сохранения. Сегодняшние записи вскоре будут выставлены в центре нашего поселка, но сначала нам положен небольшой отдых.

Мы с Чжан Цзин садимся на пол у низкого столика и ждем завтрак. К нам подходят слуги и аккуратно отмеряют порции просяной каши, следя, чтобы всем подмастерьям доставалось одинаковое ее количество. Каждый день мы едим на завтрак одно и то же, и хотя каша прогоняет голод, ощущения сытости не приносит. Однако шахтеры и поставщики получают и того меньше, так что нам надо радоваться.

Чжан Цзин делает перерыв в завтраке.

«Такого больше не будет, – говорит она мне знаками. – Обещаю».

«Молчи», – отвечаю я.

Здесь о таком лучше даже не намекать. К тому же, несмотря на ее решительные слова, на лице у нее отражается страх, и это говорит мне, что она сама им не верит. У нас в поселке все учащаются сообщения о слепоте; причина остается такой же непонятной, как и причина глухоты, поразившей наших предков. Обычно слепнут только шахтеры, что делает надвигающуюся на Чжан Цзин беду еще более таинственной.

Краем глаза я замечаю суматоху, которая выводит меня из задумчивости. Я поднимаю голову и вижу, что остальные подмастерья тоже прервали завтрак: их взгляды устремлены к двери, которая соединяет столовую с кухней. Там столпилось несколько слуг; обычно столько сразу я не вижу. Как правило, они держатся от нас подальше, памятуя о различии в нашем статусе.

Женщина, в которой я узнаю главную повариху, выходит из двери. Перед ней семенит ногами какой-то паренек. «Повариха» – это не слишком точное именование ее должности, потому что продуктов очень мало и ничего особенного из них не пригостишь. Кроме этого она командует всей прислугой «Двора Зимородка». Меня передергивает, когда она отвешивает парнишке такую оплеуху, что тот падает на пол. Я его и раньше видела – ему обычно поручают самую черную работу. Между ними идет стремительный обмен знаками.

«...Надеялся, что не попадешься? – вопрошает повариха. – О чем ты думал, когда брал больше положенного?»

«Я не для себя! – отвечает ей паренек. – Это для семьи сестры. Они голодные».

«Мы все голодные! – огрызается повариха. – Это не повод воровать».

Я судорожно вздыхаю, понимая, что случилось. Кража еды у нас одно из самых серьезных преступлений. А то, что его совершил кто-то из наших слуг, которые обычно питаются лучше других сельчан, поражает еще сильнее. Паренек с трудом встает на ноги и отважно встречает гнев поварихи.

«Они – шахтеры, и они болели, – объясняет паренек. – Шахтеры и так получают меньше еды, чем мы, а им еще урезали порции, пока они не работали. Я хотел, чтобы все было по-честному».

Суровое лицо поварихи говорит нам, что ее это не тронуло.

«Вот теперь и можешь присоединиться к ним в шахтах. Здесь вора́м не место. Изволь исчезнуть еще до того, как мы соберем посуду».

Паренек пугается. Его лицо полно отчаяния.

«Пожалуйста! Не отправляйте меня работать с ними. Простите меня! Я отдам мою порцию взамен того, что взял. Это не повторится».

«Конечно, не повторится», – злорадно утверждает повариха.

Она отрывисто кивает двум самым крепким слугам, и они хватают паренька за руки, чтобы выволочь из столовой. Он пытается высвободиться и протестует, но с двумя справиться не может. Повариха смотрит на это невозмутимо, а мы все изумленно на них глазеем. Когда он скрывается из вида, она и те слуги, которые не обслуживают завтракающих, снова исчезают на кухне. Мы с Чжан Цзин переглядываемся: от потрясения мы забыли все слова. Поддавшись слабости, этот слуга только что сделал свою жизнь значительно более сложной – и опасной. Мало того, что его ждут непривычные трудности в шахте, после наступления темноты ему могут тайно отомстить те, кого разозлил его поступок.

Когда после окончания завтрака мы возвращаемся в студию, все только и могут говорить, что об этой краже.

«Ну надо же! – обращается кто-то ко мне. – Как он посмел отдать нашу еду шахтеру!»

Это говорит Шэн. Как и я, он – один из лучших художников «Двора Зимородка». В отличие от меня, он из семьи, где было много поколений художников и Старейшин. По-моему, он порой забывает, что мы с Чжан Цзин первыми в семье достигли этого звания.

«Конечно, это ужасно», – отвечаю я нейтрально.

Я не смею выразить свои истинные чувства: на самом деле у меня есть сомнения относительно справедливости распределения продуктов. Я давно усвоила, что сохранить свое место среди подмастерьев «Двора Зимородка» можно, только отказавшись от всякого сострадания к шахтерам – нужно просто рассматривать их как необходимую часть рабочей силы нашего поселка. И только.

«Он заслуживает гораздо более серьезного наказания, чем увольнение!» – угрожающе заявляет Шэн.

Помимо таланта художника Шэн обладает нахальной самоуверенностью, которая заставляет других следовать за ним, так что меня не удивляет, что те, кто проходит мимо нас, согласно кивают. Их внимание заставляет его гордо вскинуть голову, демонстрируя изящные высокие скулы. Большинство девушек вокруг нас признали бы его самым привлекательным парнем, но на меня он никогда особого впечатления не производил.

Надеюсь, это в ближайшее время изменится: в будущем нам предстоит пожениться.

Я уверена, что, скорее всего, совершаю ошибку, но спрашиваю:

«А ты не считаешь, что в его поступке свою роль сыграли обстоятельства? Желание помочь больной родне?»

«Это не оправдание, – заявляет Шэн. – Здесь каждый получает то, что заслуживает: не больше и не меньше. Это – равновесие. Если ты не в состоянии выполнять свои обязанности, нечего ожидать, что тебя за это будут кормить. Разве ты с этим не согласна?»

От этих слов у меня ноет сердце. Я невольно бросаю взгляд на Чжан Цзин, которая идет по другую руку от меня, а потом снова поворачиваюсь к Шэну.

«Да, – уныло отвечаю я, – конечно, согласна».

Все подмастерья подходят к своим полотнам, чтобы вынести их на обозрение остальных жителей поселка. Некоторые еще не досохли и требуют особой осторожности. Когда мы выходим на улицу, солнце уже встало высоко над горизонтом, обещая теплую и ясную погоду. Оно сверкает на зеленой листве деревьев вокруг поселка. Их ветки создают полог, укрывающий тенью почти весь путь к центру поселка. Я рассматриваю узоры, которые солнечный свет создает на земле, пробиваясь сквозь листву. Я часто мечтаю о том, как нарисовала бы этот пятнистый свет, – если бы у меня была такая возможность.

А еще мне бы очень хотелось нарисовать горы. Они окружают нас – поселок устроился на вершине одной из самых высоких. Это создает потрясающие виды – и массу трудностей для нас всех. Нашу вершину с трех сторон окружают отвесные скалы. Предки переселились сюда много веков назад; пройдя по перевалу на противоположной стороне склона, где располагались плодородные долины, идеально подходившие для выращивания съедобных растений и разведения домашней живности. Примерно в то же время, когда исчез слух, сильнейшие обвалы перекрыли тот перевал, заполнив его валунами и обломками скал огромного размера. Из-за них наши предки вынуждены были остаться наверху и потеряли возможность обеспечивать всех продуктами.

Именно тогда жители нашего поселка заключили соглашение с городом, расположенным у основания горы. Каждый день большая часть взрослого населения работает наверху в шахтах, добывая драгоценные металлы. Наши поставщики отправляют эти металлы в город по подвесной дороге вниз по склону. В обмен на металл город отправляет нам продукты, раз мы сами их выращивать не можем. Эта договоренность неплохо работала, пока некоторые наши шахтеры не начали слепнуть, теряя способность работать. Когда количество отправляемого вниз металла уменьшилось, то же произошло с отправляемыми в обмен продуктами.

Когда наша группа подходит ближе к центру, я вижу шахтеров, готовых отправиться на работу, – в тусклой одежде, с лицами, покрытыми морщинами от усталости. Теперь даже дети помогают в шахтах. Они идут рядом со своими родителями, иногда – дедушками и бабушками.

В самом центре деревни мы видим тех, кто лишился зрения. Потеряв способность видеть и слышать, несчастные стали попрошайками: они жмутся вместе и ждут ежедневной милостыни, сидят неподвижно со своими плашками, лишённые способности общаться: им остается только ждать вибрации почвы,

которая подскажет о приближении людей и даст надежду на получение хоть какой-то пищи. Я смотрю, как один из поставщиков обходит их и кладет в миску каждому по половине булочки. Я помню, что видела про эти булочки в отчете пару дней назад. Они уже и тогда были несвежие: на большинстве видна была плесень. Тем не менее мы не можем позволить себе выбрасывать любую еду. Эта половинка булочки – единственное, что попрошайки получают до вечера, если кто-то не окажется настолько добрым, чтобы поделиться с ними собственным пайком. От этого зрелища меня начинает подташнивать, и я отвожу взгляд. Мы идем к центральному помосту, откуда работники уже убирают вчерашние записи.

Мой взгляд улавливает яркое пятно: я вижу, как на ветку дерева на опушке садится синий каменный дрозд. Как и шелковая отделка Старейшины Чэня, это красочное пятно притягивает меня. Пока я восхищаюсь лазоревым оперением самца, он на несколько секунд открывает клюв, а потом выжидающе осматривается. Вскоре более тусклая самочка подлетает и садится рядом с ним. Я изумленно взираю на них, пытаюсь понять, что именно произошло только что. Как он ее к себе привлек? Что он сумел сделать такое, что несло в себе столько смысла? Она же его не видела! Судя по тому, что я читала, когда он открыл свой клюв, произошло нечто: он «спел» ей и каким-то образом призвал, хотя она и находилась далеко.

Толчок в плечо говорит мне, что пора прекращать грезы. Наша группа уже дошла до помоста в центре поселка, и большинство жителей собрались вокруг, чтобы увидеть наши работы. Мы поднимаемся по ступенькам на помост и развешиваем свои картины. Мы делали это уже много раз, и все знакомы со своими обязанностями. То, что в студии было серией иллюстраций и каллиграфии, теперь соединяется воедино в одну связную фреску, наглядно представляя собравшимся внизу все, что произошло накануне. Вывесив свою редиску, я спускаюсь вниз с остальными подмастерьями и всматриваюсь в лица тех, кто читает последний отчет. Я вижу нахмуренные брови и мрачные взгляды, с которыми принимают новые известия о слепоте и голоде. Редис никого не утешает. Пусть он и изображен безупречно, это совершенно не интересует людей, получивших столь печальные новости.

Шахтеры и поставщики медленно отворачиваются от записи и начинают расходиться по своим рабочим местам. Старейшина Чэнь знаками приказывает подмастерьям:

«Идите на свои места. Запоминайте, наблюдайте. Не вмешивайтесь».

Я уже собираюсь пойти за остальными и тут замечаю Старейшину Лянь. Она снова поднимается по ступенькам на помост с выставленной записью. Похоже, что она опять рассматривает работу, внимательно вглядываясь в каждый штрих. Такой анализ не входит в наш повседневный распорядок. Остальные подмастерья ушли, но я не могу пошевелиться – не могу тронуться с места, пока не пойму, что она делает.

Она задерживается на помосте еще немного, и, когда наконец поворачивается, наши взгляды встречаются. Еще через мгновение ее глаза устремляются куда-то мне за спину. Я поворачиваюсь и вижу, что там стоит Чжан Цзин, нервно сжимающая руки. Старейшина Лянь спускается по ступеням.

«Идите на свои места», – приказывает она нам.

Шелковая нить у нее на тунике красная. Когда она проходит мимо нас, вышивка вспыхивает на солнце.

Проглотив ком в горле, я беру Чжан Цзин за локоть и увожу с центральной площади поселка, прочь от слепых попрошаек. Большинство из них – старики и бывшие шахтеры, напоминаю я себе. Она не такая, как они. Она совершенно не такая, как они. Когда мы проходим мимо них, я стискиваю ее пальцы.

«Она поправится, – говорю я себе. – Я не допущу, чтобы она стала одной из них».

Пока мы идем мимо попрошаек, я повторяю эти слова снова и снова, но им не удастся заслонить собой картину этих истощенных лиц и пустых, безнадежных взглядов.

Глава 2

Мы быстро доходим до дорожки, которая ответвляется от главной улицы поселка. Я кивком указываю на нее. Чжан Цзин ответно кивает и поворачивает к развилке.

Мы не успеваем уйти далеко: неожиданно из ближайшей рожицы появляется группа людей. Это Шэн и еще двое парней, одетых как поставщики. Эти двое волокут кого-то; я узнаю слугу из нашей школы – того, которого поймали на краже. Новые синяки и рубцы прибавились к тем, которые он получил от поварахи, и, судя по злорадным лицам, взявшие на себя роль наказующих собираются продолжить. Я могу понять возмущение его проступком, но вот от того, с каким наслаждением они причиняют такую боль, мне становится тошно. Чжан Цзин испуганно пятится, не желая вмешиваться ни в какие разборки. Понимаю, что мне следовало бы сделать то же самое, но я не могу. Я выхожу вперед, готовясь высказаться, но не успеваю ничего сделать: меня отбрасывает в сторону еще один человек, пронесшийся мимо. На нем тусклая одежда шахтера. Он быстро подходит к Шэну и остальным, преграждая им путь. Когда я понимаю, кто это, у меня перехватывает горло, и кажется, будто земля под ногами сдвинулась, заставляя терять равновесие.

Это Ли Вэй.

«Что это вы делаете?» – вопрошает он.

Шэн смотрит на него с презрительной ухмылкой.

«Преподаем ему урок».

«Посмотрите на него! – говорит Ли Вэй. – Он уже получил урок. Он и так еле стоит на ногах».

«Этого мало, – заявляет один из приятелей Шэна. – Хочешь сказать, что он может так легко отделаться? Считаешь, что красть еду – нормально?»

«Нет, – отвечает Ли Вэй. – Но я считаю, что он уже достаточно наказан. Благодаря вашему „уроку“ и потере работы при школе он более чем заплатил за преступную попытку помочь своим родным. А сейчас вы просто уменьшаете его способность помогать нам в шахтах. Этого мы сейчас себе позволить не можем. Пора его отпустить».

«Это мы решаем, когда его пора отпускать», – говорит Шэн.

Ли Вэй с угрозой шагает вперед:

«Тогда решайте».

Шэн и поставщики колеблются. Хотя численный перевес на их стороне, Ли Вэй, несомненно, самый крупный и сильный мужчина в нашем поселке. Его руки бугрятся мускулами, приобретенными за долгие часы тяжелой работы в шахтах, и он выше их почти на голову. Он стоит, гордо выпрямившись, крепкое тело напряжено и готово к бою. Его не пугает, что придется выйти одному на троих. Он не испугается, даже если выйдет один на десятерых.

Спустя несколько напряженных секунд Шэн пожимает плечами и усмехается, словно все было отличной шуткой.

«Нам пора работать, – говорит он чересчур непринужденно. – Он заслуживает худшего, но сейчас мне некогда. Пошли».

Поставщики, державшие слугу, разжимают руки, и Шэн со своими друзьями поворачиваются, чтобы уйти. Заметив меня, Шэн спрашивает:

«Ты идешь?»

«Нам сегодня в другую сторону», – говорю я, кивком указывая на дорожку.

«Как хочешь», – откликается он.

После их ухода Ли Вэй протягивает руку, намереваясь помочь слуге, лицо которого выражает ужас. Паренек пятится, а потом бросается наутек: страх придал ему силы, несмотря на боль. Ли Вэй провожает его взглядом и поворачивается к нам: похоже, удивляясь тому, что мы еще здесь. Заметив наши синие одежды, он отвешивает почтительный поклон в соответствии с нашим высоким статусом, а потом чуть напрягается, разглядев мое лицо.

Это – единственное внешнее проявление его удивления. В остальном он ведет себя идеально уважительно и благопристойно.

«Прошу меня простить, художники, – говорит он. – Я так спешил помочь, что, боюсь, вас толкнул. Надеюсь, я не причинил вам вреда».

Он обращается к нам обеим, но глаза его прикованы ко мне. Его взгляд настолько пронзителен, что у меня такое чувство, будто он может сбить меня с ног. Или, может, это просто то привычное головокружение, которое я всегда ощущала, оказываясь с ним рядом. Не важно: стоя перед ним сейчас, я обнаруживаю, что не в состоянии двигаться или говорить.

Не замечая моего смятения, Чжан Цзин мягко улыбается.

«Ничего страшного. С нами все в порядке».

«Я рад, – говорит он. Уже начав отворачиваться, он замирает. На его лице отражаются любопытство и неуверенность. – Надеюсь, вы не считаете, что мне не следовало помогать этому пареньку».

«Это было хорошо с твоей стороны», – вежливо отвечает Чжан Цзин.

Хотя она ответила за нас обеих, взгляд Ли Вэя задерживается на мне, словно он надеется, что я что-то добавлю. Вот только я не могу. Я так давно не видела его, и это внезапное, неожиданное столкновение застигло меня врасплох. Выждав несколько неловких секунд, Ли Вэй кивает.

«Ну что же. Желаю вам обеим хорошего дня», – говорит он и уходит от нас.

Мы с Чжан Цзин продолжаем свой путь, и мое бешеное сердцебиение постепенно успокаивается.

«Ты там ничего не стала говорить, – замечает она. – Ты его осуждаешь? Считаешь, что он не должен был мешать Шэну и его друзьям продолжить свою месть?»

Я отвечаю не сразу. Чжан Цзин на год меня старше, и мы чуть ли не всю жизнь были неразлучны и всем делились. Однако есть один секрет, который я от нее утаила. Когда мне было шесть, я залезла на старый подгнивший сарай, что наша мать не раз запрещала нам делать. Когда я оказалась на крыше, она

провалилась и погребла меня под собой, а поблизости никого не было. Я застряла в развалинах на два часа – испуганная и уверенная в том, что останусь там навсегда.

А потом появился он.

Ли Вэю было всего восемь лет, но он уже начал работать в шахтах полную смену. Когда он пришел ко мне в тот день, он как раз возвращался с работы и весь был покрыт золотистой пылью. В тот момент, когда он протягивал мне руку помощи, закатное солнце упало на него так, что он засиял и заискрился. Уже тогда мое сердце трогало все необычное и прекрасное; я была очарована. Он помог мне выбраться из-под обломков. Его искренняя улыбка и чувство юмора помогли мне преодолеть робость, положив начало дружбе, которая продлилась почти десять лет и со временем стала чем-то гораздо большим...

«Фэй! – окликает меня Чжан Цзин. Она уже сильно удивлена. – С тобой все в порядке?»

Я прогоняю свои воспоминания, избавляясь от ослепительного образа того золотого мальчишки.

«В полном порядке, – вру я. – Я просто не люблю наблюдать такую жестокость».

«Я тоже», – соглашается она.

Мы сворачиваем на тропу, которая намного уже главной улицы поселка, но здесь достаточно часто ходят пешеходы, так что она хорошо видна и сильно утоптана. Дорога ведет нас вдоль скалистого обрыва, позволяя любоваться великолепными видами окружающих горных вершин. Время достаточно раннее: в воздухе еще висит туман, скрывающий от нас пропасть.

Мы с Чжан Цзин останавливаемся рядом с кипарисом. Теперь, с приходом лета, он стал зеленее и пышнее, чем когда я видела его в прошлый раз. Сердце у меня сжимается из-за того, что я так давно здесь не была. Древний кипарис упрямо цепляется за свой каменистый карниз, широко раскинув ветви и протягивая их к небу.

«Видите, как гордо он стоит, несмотря на такие суровые условия? – нередко говорил нам отец. – Вот какими нам всегда следует быть: сильными и стойкими, несмотря ни на что».

Тогда мы всей семьей ходили гулять, а эта дорожка, ведущая мимо кипариса, была одной из самых любимых. Когда наши родители умерли, мы с Чжан Цзин развеяли их прах именно здесь.

Сейчас мы с ней стоим рядом и ничего не говорим: просто смотрим на открывшуюся перед нами панораму и наслаждаемся легким ветерком, который играет игольчатыми ветками дерева. Краем глаза я замечаю, что она щурится, – даже здесь. Как это ни больно, я вынуждена наконец что-то сказать. Шагнув вперед, я встаю так, чтобы она видела мои руки.

«Когда это началось?»

Она сразу же понимает, что я имею в виду, и с унылым видом отвечает:

«Не знаю. Довольно давно. Несколько месяцев назад. Поначалу все было не так уж страшно – только иногда в глазах туманилось. А теперь туман приходит чаще и становится гуще. Время от времени я прекрасно вижу. А иногда все вокруг настолько размыто и искажено, что я вообще ничего разобрать не могу».

«Все исправится», – уверенно заявляю я.

Она печально качает головой:

«А если нет? А что, если очень скоро я стану такой, как остальные? Если все вообще накроет мрак? – У нее на ресницах дрожат слезы, но она упрямо смаргивает их. – Мне следует уже сейчас признаться Наставникам и отказаться от ученичества. Это было бы честно».

«Нет! – возражаю я. – Так нельзя!»

«Рано или поздно они узнают, – не соглашается она. – Можешь себе представить, какой это будет позор, когда меня вышвырнут на улицу?»

«Нет, – снова говорю я, хотя втайне испуганно признаю, что, возможно, она права. – Ничего не говори. Я и дальше буду тебя прикрывать, и мы придумаем, как это исправить».

«И как же? – Она улыбается мне, ласково, но грустно. – Некоторые вещи не по силам даже тебе, Фэй».

Я отвожу взгляд, боясь, что мои глаза тоже наполнятся слезами из-за того, что я бессильна изменить судьбу сестры.

«Идем, – говорит она. – Нам нельзя опаздывать».

Мы продолжаем путь по идущей вдоль скалы дорожке. У меня тяжело на сердце. Я не собираюсь ей в этом признаваться – но, возможно, я действительно не в состоянии ей помочь. Пусть я могу грезить о невероятных вещах, пусть способна с помощью красок и кистей воплощать мои видения в реальность, но даже я не в силах вернуть само зрение. Эта мысль меня гнетет и терзает, так что я замечаю собравшуюся толпу, только когда мы чуть в нее не врезаемся.

Наша тропа, идущая по краю поселка, минует то место, на котором поставщики получают приходящие из города внизу грузы. Похоже, первая дневная партия как раз поднялась по подвесной дороге, и ее собираются распределять. Хотя это часто становится причиной внимания, я редко вижу, чтобы по такому поводу собиралось столь значительное количество людей. Это заставляет меня предположить, что происходит нечто необычное. Среди моря тускло-коричневой одежды я вижу синее пятно и узнаю еще одну нашу соученицу, Минь. Это – ее наблюдательный пост.

Я дергаю сестру за рукав, привлекая ее внимание:

«Что тут происходит?»

«Несколько дней назад Хранителю отправили послание, где говорилось, что нам нужно больше еды, что после недавних сокращений нам не хватает ее на жизнь, – объясняет она. – С этой партией как раз пришел его ответ».

У меня перехватывает дыхание. Хранитель Дороги. Связь с ним – событие крайне редкое. Он – тот, от кого зависит наша жизнь, кто решает, какие именно грузы придут к нам вверх по дороге из города. Без него у нас ничего не будет. С проснувшейся надеждой я присоединяюсь к остальным, чтобы узнать новости. Хранитель – великий и могущественный человек. Конечно же, он нам поможет!

Вместе с остальными я смотрю, как главный поставщик разворачивает письмо, которое пришло вместе с едой. Скрученное трубкой письмо было перевязано тоненькой зеленой ленточкой, которую он стискивает в руке во время чтения. На секунду я замороженно смотрю на нее, но потом перевожу взгляд на лицо мужчины, чьи глаза пробегают по письму. По его выражению я понимаю: хороших известий не будет. Его черты искажает множество эмоций – печальных и гневных. Наконец, он отдает письмо одному из помощников и встает на ящик, чтобы во время обращения к собравшимся все могли видеть его руки.

«Хранитель говорит: „Вы получаете меньше продуктов, потому что отправляете меньше металла. Хотите больше еды – отправляйте больше металла. Это – равновесие. Это – порядок. Это – гармония вселенной“».

Главный поставщик прерывается, но в его позе сохраняется напряженность, и положение его рук говорит, что на этом письмо не заканчивается. Спустя несколько секунд он продолжает делиться содержанием письма, хоть и крайне неохотно:

«Ваше предложение оскорбительно для той щедрости, которую мы все эти долгие годы к вам проявляли. В качестве наказания в течение следующей недели выдача продуктов будет уменьшена. Возможно, так вы лучше поймете равновесие».

Я чувствую, как у меня изумленно открывается рот. Кругом воцаряется хаос. Потрясение и негодование видны на всех лицах, руки двигаются так стремительно, что мне удается уловить только обрывки разговоров.

«Уменьшена? Нам не прожить на то, что у нас есть...»

«Откуда нам взять больше металлов? Ведь это наши шахтеры слепнут и...»

«Мы не виноваты, что не можем добывать столько! Почему нас наказывают за...»

Большого мне уловить не удастся. Вся толпа с гневными лицами поворачивается к главному поставщику и собирается к его импровизированному помосту.

«Это неприемлемо! – яростно складывает знаки одна из женщин. – Мы этого не потерпим!»

Главный поставщик устало смотрит на них. Его облаком окутывает безнадежность. Ему тоже не нравится то, как все сложилось, но разве он может что-то изменить?

«И что вы предлагаете делать? – вопрошает он. Не получив ответа, он добавляет: – Всем надо вернуться к работе. Это – единственный способ выжить. Все так, как он говорит: если мы хотим получать больше продуктов, нам нужно больше металла. Стоя тут и жалуясь, этого не добьешься».

Это выводит из себя одного из мужчин, стоящих рядом с помостом. На нем грязная шахтерская одежда.

«Я спущусь туда! – заявляет он с налившимся кровью лицом. – Я заставлю Хранителя дать нам еду».

Кое-кто из толпы в пылу негодования ободрительно кивает. Однако главный поставщик сохраняет спокойствие, несмотря на нарастающую враждебность.

«Как именно? – спрашивает он. – Как ты туда спустишься? По подвесной дороге? – Он делает паузу и демонстративно осматривает возмутителя спокойствия с ног до головы. Всем известно, что подвесная дорога может выдержать примерно 30 кило. – Она перетрется и лопнет под твоим весом, и тогда у нас не останется ничего. Вот твой сын мог бы проделать этот путь. Может, ты отправишь его вести переговоры? Ему сейчас сколько? Восемь лет? – На это мужчина, оказавшийся заботливым отцом, отвечает возмущенным взглядом, но поставщика это не трогает. – Ну, а если ты не хочешь рисковать жизнью кого-то из близких в этой корзине, ты, конечно, можешь просто спуститься вниз».

Главный поставщик берет камень размером со свой кулак и сбрасывает с обрыва, запустив в край скалы. Мы все смотрим, как он ударяется о склон и

моментально вызывает небольшую лавину, причем часть камней в ней крупнее первого камня. При сходе она поднимает тучу пыли и обрушивается в невидимые нам глубины. Про неустойчивый характер склона в поселке хорошо известно – этот факт много лет отмечался в записях. Кто-то из наших предков, еще способных слышать, решался на попытку спуска – якобы потому, что слух помогал им понять, когда пройдет лавина. Однако даже они опасались этих склонов.

«Конечно, тогда есть вероятность, что тебя раздавят падающие камни еще до того, как ты успеешь выразить свои мысли Хранителю. Кому-то еще хочется туда спуститься? – осведомляется главный поставщик, обводя всех взглядом. Как и следовало ожидать, ему никто не отвечает. – Возвращайтесь к работе. Добудьте больше металлов, чтобы мы смогли восстановить равновесие, как и сказал Хранитель Дороги».

Толпа медленно рассеивается: все расходится по своим делам, в том числе и мы с Чжан Цзин. По дороге я думаю о том, что было сказано о равновесии, и о том, что мы все равно вынуждены делать то, чего требует Хранитель. Мы в его власти – его и подвесной дороги. Неужели это и есть равновесие? Или, может, это шантаж?

Мы с Чжан Цзин подходим к шахтам и там, наконец, расстаемся. Помахав мне на прощание рукой, она исчезает во тьме громадного входа, и я с болью в сердце провожаю ее взглядом. Это уже довольно давно стало ее обязанностью: уходить глубоко в шахты и наблюдать за повседневными трудами шахтеров. Хотя она находится в отдалении от любых опасных мест, я все равно за нее боюсь. Несчастные случаи бывают – даже без всякого злого умысла с чьей-то стороны. Я бы поменялась с ней местами, если бы могла, но Наставники этого не позволяют.

Мне недавно поручили дежурство снаружи шахты. В связи с возросшим количеством происшествий и недовольством ситуацией с продуктами Старейшины пожелали направить сюда еще одного наблюдателя. В мои обязанности входит оценка настроений среди шахтеров, регистрация всех происшествий и отслеживание количества добытого металла. Мой прошлый наблюдательный пост был в центре деревни, так что по сравнению с ним здесь обычно спокойно.

Я усаживаюсь на старый пень сбоку от входа в шахту. Тут удобно сидеть и наблюдать как за шахтой, так и за лесной дорогой, по которой недавно прошли

мы с Чжан Цзин. Рядом с дорогой я замечаю несколько горных орхидей, белых с розовыми прожилками (наконец-то они распустились!). Их цветы имеют форму колокольчика и создают приятное красочное пятно на фоне зеленой и коричневой листвы, окружающей дорогу. На этой высоте цветы появляются редко, так что немалую часть дня я уделяю разглядыванию и запоминанию этих орхидей, представляя себе, как бы я их изобразила, если бы могла позволить себе такую роскошь. Порой я придумываю еще более фантастические картины, которые могла бы написать; например, бесконечные поля орхидей, раскидывающиеся розовым ковром.

Неясное движение у входа в шахту возвращает меня в реальный мир. Секунду я гадаю, не потеряла ли счет времени настолько, что шахтеры уже выходят на обеденный перерыв. Именно тогда мое дежурство становится самым напряженным. Но... нет, сейчас еще даже полдень не настал... Вот только двое мужчин выходят наружу, старый и молодой. Оба не замечают меня, сидящую в стороне на пеньке.

Один из вышедших – Ли Вэй, и я изумляюсь второй нашей встрече за один день. Наши жизни пошли настолько разными путями, что я теперь редко его вижу. Немолодой мужчина, идущий с ним, – его отец, Бао. Заметно, что он всю свою жизнь проработал на шахте: он физически и морально силен, и это позволило ему выживать все эти годы, но эти годы оставили свой след. Он уже не стоит так прямо, как раньше, и в нем ощущается явная усталость, несмотря на решительный взгляд.

Видя их рядом, я понимаю, насколько Ли Вэй похож на отца, таким Бао был в молодости. В Ли Вэе видна сила, но нет утомленности. Его черные волосы скручены в такой же пучок, какой носят все шахтеры, но несколько прядей выбились и прилипли к мокрому от пота лицу. Мелкая золотистая шахтная пыль покрыла его тело и одежду – почти как в тот давний день из нашего детства. Сейчас на нем тоже играет свет, и я чувствую боль в груди.

Бао поворачивает голову, и я вижу сочащуюся красным ссадину у него на лбу. Убедившись в том, что отец может держаться на ногах, Ли Вэй начинает очищать рану с помощью чего-то, что он извлек из холщового мешочка. Руки Ли Вэя двигаются быстро и ловко, что странно для столь крупного и сильного человека. Однако прикосновения его пальцев бережные и уверенные, так что вскоре рана на голове у отца очищена и забинтована.

«Сколько такое может повторяться? – говорит Ли Вэй, закончив перевязку. – Ты мог погибнуть!»

«Но не погиб же, – упрямо отвечает Бао. – Все в порядке».

Ли Вэй указывает на лоб отца:

«Все совсем не в порядке! Если бы я в последнюю секунду не вмешался, все было бы намного хуже. Ты больше не можешь работать в шахтах».

Бао продолжает стоять на своем:

«Могу и буду! Моего зрения хватает на то, чтобы выполнять свою работу. Остальное не важно».

«Речь идет не только о твоей работе. – Кажется, Ли Вэй изо всех сил старается сохранить спокойствие, но в его глазах видна паника. – И даже не только о твоей жизни. Речь идет о жизни других людей. Оставаясь внизу, ты подвергаешь их опасности. Оставь свою гордость и уйди на покой».

«Гордость – это единственное, что у меня осталось, – говорит Бао. – Единственное, что осталось у всех нас. Остальное уже отняли! Ты же слышал новости о продуктах. Из-за уменьшения пайков мы нужны тут, внизу, как никогда. Вот тут я и останусь, буду выполнять свой долг. А не сидеть в центре поселка с остальными попрошайками. Не тебе диктовать своему отцу, что ему делать, мальчишка».

Ли Вэй неохотно кланяется, но видно, что это проявление уважения, а не согласия. После этого Бао резко поворачивается и возвращается в шахту, оставив сына стоять на месте.

Я замираю. Их разговор стал повторением того, который я недавно вела с Чжан Цзин. Бао – очередной житель поселка, теряющий зрение.

Когда отец уходит, Ли Вэй бьет рукой по стволу чахлого деревца, растущего у входа в шахту. Я с самого детства видела вот такие его импульсивные действия. Они бывают порождены всплеском сильных чувств и обычно не приносят

никакого вреда. Однако сейчас, когда его рука соприкасается с деревом, из нее брызжет кровь. Он испуганно отшатывается. Я вспоминаю, что на этом дереве иногда вешают объявления, и понимаю, что он, по-видимому, попал по старому гвоздю. Не задумываясь, я вскакиваю на ноги и хватаю мешочек, который он вынес для перевязки отца.

«Что ты делаешь?» – вопрошает Ли Вэй, не обращая внимания на капающую с его руки кровь. По его удивленному лицу понятно, что до этой минуты он не замечал моего присутствия.

«Прекрати разговоры, – ворчу я. – Не шевелись».

К моему изумлению, он слушается и замирает неподвижно, чтобы я смогла ему помочь. Повреждена его правая рука, что для шахтера может стать катастрофой. Однако, очищая рану, я убеждаюсь, что на самом деле она совсем не глубокая. Она напоминает мне порезы бумагой, которые я порой получаю на занятиях: они довольно поверхностные, но тем не менее сильно кровоточат. Вот только старый гвоздь – это нечто гораздо более опасное, так что, даже промыв ранку водой и стерев почти всю кровь, я продолжаю тревожиться насчет заражения. Я быстро отхожу к пню, возвращаюсь с кисетом, который обычно подвешиваю к поясу, и копаюсь в пакетиках с красителями. Найдя нужный (желтый), я чуть присыпаю порез порошком и только после этого заматываю чистой тканью. Надежно закрепив повязку, я еще раз осматриваю его руку, поворачивая так и этак. Его пальцы начинают переплетаться с моими, и я поспешно отстраняюсь.

«Что это было?» – спрашивает Ли Вэй, пока я убираю пакетик обратно в кисет.

«Пигмент для особого типа краски. Цвет дает корень, у которого есть и целебные свойства. Один раз я видела, как Наставник использовал его на ране. Он предотвратит заражение».

Я не говорю ему, насколько дорог этот пигмент, и не признаюсь, что мне вообще не положено носить его с собой на наблюдения. Наставники будут проводить инвентаризацию не скоро, и я надеюсь, что к тому времени придумаю какое-то объяснение тому, что у меня его мало осталось.

«У тебя не будет неприятностей из-за взаимодействия... – спрашивает Ли Вэй и добавляет: – ...с шахтером?»

Его вопрос застаёт меня врасплох. Все происходило настолько быстро, что у меня даже не было времени задуматься о том, что я делаю. Я только что нарушила наше основное правило, начав взаимодействовать, когда нам положено только наблюдать. Если об этом узнает мой Наставник или еще кто-нибудь, у меня будут серьезные неприятности.

«Если будут, – пускай, – говорю наконец. – Я сама за себя решаю».

«А мне казалось иначе».

В следующее мгновение он понимает, как это было подло.

«Извини. – Его руки снова замирают, а потом он спрашивает: – Наверное, тебе придется рассказать про моего отца? Что он начал слепнуть?»

Ли Вэй прав. Формально, исполняя свои обязанности, я должна сообщать обо всем, что наблюдала, включая их разговор. Я вижу, что, как Ли Вэй ни больно, он хочет, чтобы я сообщила о его отце. Это снимет с него бремя ответственности и наконец освободит Бао от шахты и ее опасностей. Я вспоминаю слова старика – о том, как он цепляется за свою гордость. А потом я вспоминаю Чжан Цзин и ее собственный страх перед разоблачением. И медленно качаю головой.

«Нет, я не расскажу. – Чуть поколебавшись, я добавляю: – И тебе не надо бы так на него давить. Он просто пытается делать то, что делал всегда. Это благородно».

Ли Вэй изумленно смотрит на меня.

«Благородно? Да он же себя угробит!»

«Он заботится о других», – возражаю я.

«Заботится? – переспрашивает он все с тем же негодованием. – Мы гнем спины, рискуя жизнью и забывая о своих желаниях, чтобы кормить всех остальных. Все

надежды и страхи поселка сосредоточены на нас. Если мы не будем работать, людям придется голодать. Это не забота. И тут точно нет ничего благородного. Это просто отсутствие выбора. Это просто капкан. Ты так давно с художниками, что успела забыть, каково всем остальным».

«Ты несправедлив! – говорю я, начиная злиться. – Ты знаешь, что наша работа необходима для существования поселка. И, конечно, я знаю, каково жить шахтерам! В этом весь смысл моей работы: наблюдать все».

«Наблюдать и испытывать – это разные вещи. – Ли Вэй гневно указывает на мой пенек. – Каждый день ты сидишь там и судишь всех с безопасного расстояния. Ты считаешь, что раз ты за нами следишь, то нас понимаешь. А ты не понимаешь. Если бы понимала, то никогда бы...»

Он не договаривает, и я делаю это за него:

«Не поднялась выше? Не согласилась получить место, благодаря которому мы с сестрой вышли из той лачуги и заняли положение, которое принесло нам почет и комфорт? Которое позволило мне применять на деле мои таланты? А что плохого в желании сделать свою жизнь лучше?»

Несколько секунд он не отвечает, а потом уточняет:

«А это так и есть, Фэй? Твоя жизнь стала лучше?»

Я вспоминаю вольготные летние дни, когда мы вместе с ним лежали в траве, сцепив пальцы, и говорили о будущем. В те дни я просто была у художников на посылках. Мой статус изменился тогда, когда меня сделали подмастерьем, и из шахтерской дочери я превратилась в наследницу Старейшины Чэня. Незадолго до этого умерли мои родители, мы с Чжан Цзин жили в крошечном ветхом домишке и получали скудные крохи еды. Старейшины так жаждали заполучить мой талант, что взяли и Чжан Цзин, хотя ее способности уступали моим. Этот шаг принес мне все, о чем я только могла мечтать, за одним исключением: художники вступают в брак только с художниками.

«Твоя жизнь стала лучше?» – снова спрашивает Ли Вэй.

«В основном – да, – говорю я наконец, ненавидя себя за боль, вспыхивающую в его взгляде. – Но что нам было делать? Ты прекрасно знаешь, что я должна была воспользоваться тем шансом. А он потребовал жертв. Такова жизнь, Ли Вэй. Так всегда было».

«Значит, пора что-то менять!» – бросает он мне.

Он отходит от меня как раз вовремя: из главного хода шахты на обед начинают выходить шахтеры. Я наблюдаю за ним, пока толпа не проглатывает его, и пытаюсь понять, что именно, по его мнению, следует изменить. Ту систему, которая не выпускает Бао и всех остальных из шахт? Или ту, которая разлучила нас с Ли Вэем? Немного подумав, я понимаю, что это одна и та же система.

Когда шахтеры рассаживаются группами и начинают есть и разговаривать, я сную вокруг них, держась как можно незаметнее, пытаюсь следить за разговорами и собрать как можно больше информации... и стараюсь не думать о том, что сказал Ли Вэй. В такие оживленные моменты наше наблюдение-безвмешательства становится наиболее важным.

Вернувшись к своему пеньку, я изумленно застываю на месте, обнаружив, что кто-то поработал над ним ножом. То, что недавно было плоской выгоревшей на солнце поверхностью, теперь украшено узором из хризантем... по-настоящему поразительным. В нашей школе резьбе почти не уделяют внимания, но мой взгляд художника невольно отмечает то умение и точность, с которыми передан каждый лепесток этого королевского цветка – цветка, который я видела только в книгах. Эти хризантемы прекрасны, а то, что их создали в столь короткий промежуток времени, делает их еще более удивительными.

Я вздыхаю, догадываясь, откуда они появились. Пока мы с Ли Вэем росли рядом, мы просили друг у друга прощения, обмениваясь подарками. Мои имели форму рисунков, грубо исполненных с помощью тех природных ресурсов, которые мне удавалось разыскать. А его неизменно были резьбой по дереву. Был только один раз, когда такой обмен не состоялся: в тот день я сказала ему, что становлюсь подмастерьем и никогда не смогу выйти за него замуж. В тот день мы поругались, а позже я нарисовала на наружной стороне его двери хризантему, как приглашение помириться. В ответ я так ничего и не получила.

Теперь я прикасаюсь к этим резным хризантемам, изумляясь тому, насколько развились его способности за эти два года. Горьковато-сладкие воспоминания какое-то время не отпускают меня, но потом я неохотно их прогоняю и продолжаю мои наблюдения.

Глава 3

Вечером, когда мы с Чжан Цзин возвращаемся в школу, я не перестаю думать о Ли Вэе и его отце. При виде нее я тут же вспоминаю Бао: ведь они оба отчаянно пытаются скрыть свою слепоту от всего поселка. Сколько здесь еще таких, как они? Сколько других людей медленно погружается в темноту?

Когда мы начинаем вечернюю работу над отчетом о событиях этого дня, мне трудно сохранять концентрацию. Мысли разбегаются, мешая изобразить нужные эпизоды. Проходящий по классу Наставник Чэнь это замечает.

«Опять гредишь, Фэй? – спрашивает он довольно добродушно. – Воображаешь прекрасные цвета и чудеса, которые предпочла бы писать?»

«Да, – вру я, не желая делиться с ним своими мыслями. – Извините, Наставник. Это непростительно».

«Разум, способный ценить и создавать прекрасные образы, это никоим образом не недостаток, – говорит он. – Но, к несчастью, здесь это свойство не востребовано. Такую уж судьбу нам даровали».

В ответ я кланяюсь.

«Я не лягу, пока эта вещь не станет безупречной».

* * *

Когда я наконец прихожу в нашу спальню, остальные девушки уже спят. Только устроившись в кровати, я вспоминаю, что так и не улучила момента, чтобы

подойти и проверить работу Чжан Цзин. К тому моменту, когда я закончила свою, я настолько устала, что, наверное, ничем бы ей и не смогла помочь. Утром нам еще предстоит работа над отчетом, так что я мысленно обещаю себе проверить ее часть. Сон быстро меня затягивает, но покоя я не нахожу.

Мне снится, что я иду по полю розовых орхидей – таких, какие я себе вообразила днем. Они превращаются в хризантемы, и роскошь их лепестков пьянит, заставляя меня нежно гладить их пальцами. Вскоре я обнаруживаю, что выхожу с цветочного поля на дорогу, которая идет вдоль обрыва. Она приводит меня к доставочной дороге, где этим утром собиралась толпа. Она снова здесь: все ждут каких-то важных новостей. Только на этот раз на ящике стою я: это мне придется сообщить остальным жителям деревни жуткое известие. Мои руки быстро двигаются, передавая необходимое, и я еле успеваю осознать, что именно им говорю. Понимаю только, что нас ждет мрачное будущее без всякой надежды. Закончив, я нахожу в себе мужество посмотреть на лица собравшихся, и увиденное заставляет меня вскрикнуть.

Все устремили на меня пустые глаза, закрытые бельмами. И хотя все лица повернуты ко мне, они явно меня не видят. Все вокруг меня слепы. Только мне сохранили способность видеть. Отчаяние наполняет лица собравшихся жителей, и они одновременно открывают рты.

Дальше происходит нечто такое, с чем я никогда раньше не сталкивалась: ощущение, похожее на вибрацию, и в то же время нечто еще. Кажется, будто оно попадает в ту часть моего мозга, о существовании которой я даже не подозревала. У меня нет слов, чтобы это передать, я не в состоянии как-то выразить то, что испытываю. Жители поселка открывают рты еще шире, и странное ощущение становится сильнее, пульсирует у меня в ушах. У меня начинает болеть голова. А потом они все одновременно закрывают рты. Странное ощущение моментально исчезает, и все успокаивается. Я ощущаю тянущее чувство в груди, словно пытаюсь достать до чего-то очень далекого.

А потом у меня в глазах становится черно.

Я чувствую панический страх, пока до меня не доходит, что я всего лишь проснулась и открыла глаза в девичьей спальне жилой части. Я сажусь на кровати, жадно ловя ртом воздух, осматриваясь вокруг и дожидаясь, чтобы глаза привыкли к темноте. Слабый свет луны пробивается сквозь оконные жалюзи, так что спустя какое-то время мне уже удается различить все, что меня

окружает. Чжан Цзин мирно спит на кровати, стоящей рядом с моей, и остальные девушки тоже спят.

Однако что-то все-таки изменилось. Нечто странное тревожит мои чувства, пока я вглядываюсь в темную комнату. Я снова это испытываю: то же ощущение, что и во сне, нечто напоминающее вибрацию, но вибрацией не являющееся. Разница в том, что оно менее сильное. От него голове не больно, и оно непостоянное: то появляется, то исчезает. Глядя на Чжан Цзин, я замечаю, что оно, похоже, совпадает по времени с ее дыханием. Некоторое время я смотрю на сестру, пытаюсь понять, что именно происходит.

Я не нахожу никаких объяснений – есть только назойливая мысль, что я переутомилась. В конце концов я снова ложусь и натягиваю на голову одеяло, чтобы закрыться от лунного света. Незнакомое ощущение становится слабее. По наитию я поднимаю подушку и кладу ее себе на голову, закрывая ухо. Ощущение уменьшается настолько, что мне удастся его игнорировать и заснуть. На этот раз снов я не вижу.

* * *

Наступает утро, и нас будят, как обычно, – пришедшие в коридор слуги вращают ворот, присоединенный к устройству, которое заставляет трястись изголовья наших кроватей. Вот только сегодня что-то изменилось. Привычные колебания сопровождаются тем же странным ощущением, которое меня потрясает. Оно по-прежнему осталось со мной! Когда рама моей кровати ударяется о стену, то, что я воспринимаю, обретает новое качество. Оно резкое и отрывистое, в отличие от того долгого, растянутого явления, которое возникало, когда толпа открывала рты. Я опускаюсь на колени, осматривая сотрясающуюся раму и пытаюсь понять, как она создает тот, другой эффект. Чжан Цзин похлопывает меня по плечу, и я вздрагиваю от неожиданности.

«Что ты делаешь?» – говорит она знаками.

«Что это?» – спрашиваю я, указывая на кровать. Она недоуменно смотрит на меня, и я замечаю, что слуги перестали вращать ворот. Я осторожно трясую кровать так, чтобы она ударилась о стену. К моему изумлению, я воссоздаю то же явление, хотя и менее интенсивно, и тут же вопросительно смотрю на Чжан Цзин.

«Что это?» – повторяю я.

«Ты про что?» – переспрашивает она в полном недоумении.

Я сильнее ударяю кроватью о стену, делая результат удара более сильным. Однако Чжан Цзин, похоже, ничего не замечает. Она только выглядит все более растерянной.

«Ты этого не заметила?» – уточняю я.

Она хмурится:

«Кровать сломалась?»

Остальные девушки успели одеться, а некоторые уже ушли завтракать. Мы с Чжан Цзин спешим присоединиться к ним, внимательно осматривая друг друга, чтобы туники сидели нормально, а волосы были аккуратно склотовы. У нас с ней одинаковые мягкие волосы, которые часто выбиваются из прически. Она замечает, что я не успокоилась, и по дороге в столовую спрашивает, что со мной. Однако я только и могу, что качать в ответ головой. Отчасти потому, что никак не могу объяснить свои ощущения. Отчасти потому, что очень быстро мне становится не по себе – настолько, что я больше не могу разговаривать.

Куда бы мы этим утром ни шли и что бы ни делали, незнакомые ощущения продолжают меня преследовать. Их вызывают самые разные вещи – и сами эти ощущения очень разные. Две фарфоровые чашки, ударившиеся одна о другую. Отодвигающаяся створка двери, через которую входят слуги. Каша, плюхающаяся в пиалы. Ноги, наступающие на пол. Кашляющие люди. Поначалу мне любопытно, какое ощущение придет следующим, я замороженно наблюдаю причины и следствия вокруг себя. Мне не удастся со всем этим освоиться, в кои-то веки я едва в состоянии есть. Только инстинктивное понимание того, насколько важна еда, помогает мне подобрать всю кашу.

Когда мы переходим в студию, ощущений становится меньше, однако они по-прежнему остаются все то время, пока мы заканчиваем вчерашние записи. Даже прикосновение моей каллиграфической кисти к полотну создает некий эффект, хоть и еле уловимый. Гораздо более сильное и неприятное ощущение возникает

в тот момент, когда я наношу последние штрихи: оно заставляет меня поежиться и встревоженно вскинуть голову. Я быстро определяю его источник: один из подмастерьев уронил глиняную баночку с краской, устроив жуткий беспорядок: пролившаяся краска, разлетевшиеся осколки. Я единственная в классе это замечаю, не считая его ближайших соседей, увидевших это происшествие.

Волнуясь все сильнее, я вспоминаю, как этой ночью закрытые подушкой уши резко уменьшили воздействие. Я закрываю уши ладонями и, к моему изумлению, все снова блаженно успокаивается. Хотя я и радуюсь передышке, отчаянно колотится сердце: я внезапно понимаю, что это означает. То, что я воспринимаю, когда два предмета ударяются один о другой, как реагируют мои уши... это почти то, как описан в старинных книгах...

...звук.

Я тут же трясую головой, стыдясь, что даже допустила подобную мысль. Это нелепо и невозможно! Вырастить крылья было бы почти столь же вероятно.

«Тебе нездоровится?» – спрашивают передо мной руки Наставника Чэня.

Я замечаю, что продолжаю зажимать уши ладонями, и поспешно опускаю руки.

«Просто голова болит, – вру я. – Пустяки».

Его пристальный взгляд на несколько секунд задерживается на мне, а потом переходит на мою работу. Даже мне самой видны ее недочеты. Мне становится еще более неловко, когда он сам берется за кисть и исправляет часть огрехов. Закончив, он велит мне: «Останься сегодня дома и отдохни».

Я чувствую, как мои глаза изумленно расширяются. Нас учат, что исполнение наших обязанностей жизненно важно. Только очень серьезная болезнь может заставить нас остаться в постели. Шахтеры, благодаря которым мы все живем, вообще не имеют дней отдыха.

Наставник Чэнь улыбается:

«Ты сегодня явно на себя не похожа. Это по всему видно. Такой талантливой художницы я уже давно не видел. Я предпочту потерять один день работы, чем рисковать долгой болезнью. Тебе на кухне приготовят отвар от головной боли. Посвяти остаток дня отдыху и занятиям».

Мне остается только низко поклониться, принимая это проявление огромного великодушия. Мне неловко, что он так меня выделил, но гораздо сильнее чувство облегчения из-за того, что мне не придется иметь дело с кипучей жизнью поселка.

«Спасибо вам, Наставник», – складываю я знаки.

«Как знать? – откликается он. – Может, я прогуляюсь и проведу наблюдения вместо тебя. А если нет, то там ведь будет дежурить и твоя сестра, так что эта часть шахт не останется без внимания».

Моя сестра! При этих словах меня охватывает паника. Раз Наставник Чэнь здесь, значит, и остальные Старейшины тоже пришли. Вчера вечером мне не удалось проверить работу Чжан Цзин, и я пообещала себе сделать это утром. Я бросаю взгляд в дальнюю часть класса – Старейшина Лянь как раз неспешно приближается к полотну Чжан Цзин. Я отчаянно пытаюсь придумать какой-то отвлекающий маневр, который позволил бы мне остановить Старейшину Лянь и выручить Чжан Цзин, как я всегда это делаю. Может, кто-нибудь потеряет сознание от упадка сил? Может, прибежит кто-то из слуг, чтобы сообщить о еще одной краже продуктов?

Но ничего такого не происходит. Старейшина Лянь останавливается рядом с моей сестрой, а я застываю на месте и ничем не могу ей помочь. Для меня эта роль непривычная и пугающая. Чжан Цзин выглядит спокойной, но я вижу у нее в глазах страх. Кажется, она, как и я, готова к тому, что Старейшина Лянь яростно на нее набросится, разоблачит ее – и мой – обман. Однако и этого не происходит. Старейшина Лянь несколько долгих, мучительных секунд оценивает работу моей сестры, а потом наконец отходит. Я чуть не валюсь с ног от облегчения.

Дальше все идет, как обычно, и вскоре подмастерья уже несут полотна к центру поселка. Они двигаются так быстро, что я не успеваю толком рассмотреть выполненную Чжан Цзин часть и могу только молиться, чтобы в этот день она

видела лучше. Я прощально машу ей рукой и, следуя распоряжению Старейшины Чэня, отправляюсь на кухню за чаем. Старейшины и подмастерья редко туда заходят. Пока я жду, слуги суетятся и кланяются мне. Их одежда покрыта пятнами жира и копоти и почти не лучше той, которую носят шахтеры. Когда кто-то из поваров ставит на стол тяжелый чугунный котелок, результат этого действия заставляет меня сморщиться и стиснуть зубы.

Наконец немолодая служанка почтительно подает мне чашку с лечебным отваром. Хотя она робеет и не решается встретиться со мной взглядом, однако объясняет, что мне следует выпить чай и лечь в постель. Если за шесть часов моя головная боль не пройдет, я могу вернуться за новой порцией. Я благодарю ее и забираю чай с собой, но не иду к себе в комнату спать.

Вместо этого я направляюсь в школьную библиотеку, осторожно прихлебывая чай на ходу. Мне не удалось избавиться от подозрений относительно звука, хоть разум и твердит, что подобное исключено. Я решаю, что это – моя единственная возможность понять, что со мной происходит, иначе мне придется просить у кого-нибудь помощи. А я прекрасно понимаю, что этого делать нельзя. Если я начну описывать то, что со мной происходит, меня назовут сумасшедшей.

Я допиваю чай перед дверями библиотеки. Войдя туда, я сразу же направляюсь к самому старому ее разделу. Там хранятся записи того периода, когда наши жители еще могли слышать. Я когда-то их просматривала и сейчас ищу работы одного определенного автора. В прошлом ее слова ничего мне не говорили, а вот теперь, наверное, они станут моей единственной надеждой.

Автора звали Фэн Цзе, она лишились слуха одной из последних. В библиотеке хранятся три составленных ею свитка, и я сажусь за них, радуясь, что головная боль у меня прошла. Я начинаю читать первый свиток.

«Мне бы хотелось написать нечто мудрое, как-то объяснить, почему с нами происходит эта страшная трагедия. Однако объяснений нет».

Я останавливаюсь, размышляя над ее словами. Всю мою жизнь потерю слуха неизменно называли трагедией, но я никогда к этому так не относилась. Я вообще мало над этим задумывалась: ведь нельзя горевать из-за того, чего никогда не знал.

Фэн Цзе продолжает:

«Люди гораздо более мудрые, чем я, долго пытались найти ответ на вопрос, почему исчезает слух, однако их размышления ни к чему не привели. Я не надеюсь добиться того, чего не смогли они. Вместо этого я решила оставить здесь память о звуке, ибо боюсь того, что произойдет со следующими поколениями, если они не будут иметь об этом никаких сведений. И без того дети, родившиеся сейчас, не могут ничего понять, когда мы, те немногие, кто еще в состоянии слышать, пытаемся им это объяснить. С каждым днем я глохну все сильнее. Звуки становятся все слабее и слабее, тише и тише. Вскоре тишина превратится в полное отсутствие звуков.

И потому я хочу описать звук для тех, кто его лишен, чтобы слова не исчезли и чтобы те, кто никогда не будет слышать, смогли составить о нем как можно более точное представление. И, возможно, когда-нибудь, если звук вернется, это станет руководством для тех, кто мог забыть слова для звука».

У меня перехватывает горло. Вот почему я отправилась искать этот свиток, который когда-то давно бегло просмотрела. В тот момент эта мысль показалась мне фантастической: предположение, что звук вернется. Но вот теперь...

Дальше Фэн Цзе приводит подробный список звуков. Читая их, я словно пытаюсь понять чужой язык. Я даже не знаю части тех слов, которые она использует, чтобы определить другие слова.

«Когда звенит колокольчик, звук получается высоким и мелодичным, ясным и часто отрывистым. Этот перезвон почти похож на журчание ручья. Когда звонит большой колокол, его звук низкий и глубокий. Он эхом отдается в душе и вызывает вибрацию, которую можно ощутить всем своим телом.

Свист – это звук, который возникает, если выдувать воздух через вытянутые трубочкой губы. Он высокий и часто непрерывный, если вы не изменяете поток воздуха, создавая какую-то мелодию. Кроме того, свист – это основной компонент птичьего пения, а их диапазон намного превосходит наш».

Мой разум переполнен новыми терминами, которым надо придать какое-то значение. Звон. Высокий. Отрывистый. Перезвон. Журчание. Низкий. Эхо. Свист. Диапазон. Мелодия. Песня.

Все три свитка написаны вот так, и я стараюсь усвоить как можно больше понятий. Я мысленно возвращаюсь к тому, что уже наблюдала за это короткое утро. Рама моей кровати стучала о стену. Дыхание Чжан Цзин было тихое. Банка в студии громко раскололась. А чугунный котел на столе... Он брякнул? Или хлопнул? А в чем разница?

Ближе к полудню у меня снова начинает болеть голова: это никак не связано со звуками, а вызвано слишком большим количеством сведений со свитков, которые я прочла уже несколько раз, надеясь все запомнить. Некоторые идеи настолько трудно понять, что нет смысла пытаться их заучивать. Тем не менее терминология сама по себе приносит успокоение. Это – способ примирить незнакомые ощущения с теми, которые я хорошо знаю.

Что-то отрывает меня от чтения. «Звук», – говорю я себе, стараясь правильно использовать термины. Он не производит впечатления громкого или тихого, и я гадаю, можно ли применить в этом отношении слово «средний». Фэн Цзе его не использовала.

Звук издала открывшаяся дверь библиотеки. Повернувшись, я вижу, как в нее заходит Старейшина Чэнь. Я поспешно откладываю свиток и встаю на ноги, чтобы ему поклониться. Он велел мне посвятить день занятиям, но мне страшно, что он спросит, что именно я читала.

«Тебе лучше?» – спрашивает он.

«Да, Наставник, – отвечаю я. – Спасибо Вам за день отдыха».

Кажется, он развеселился, и из его горла вырывается негромкий звук, который заставляет меня гадать, которое именно из слов Фэн Цзе к нему относится. Смех? Хихиканье? Хмыканье?

«Как мне сказали, ты особо не отдыхала, – замечает он. – Слуги говорят, что ты почти весь день провела здесь. Даже в свободный день ты все равно трудишься».

«Мне это было приятно, Наставник, – говорю я, надеясь скрыть, что именно я читала. – И не все чтение было серьезным».

«В твоём возрасте я тоже проводил здесь много свободного времени. – Он вытаскивает какой-то свиток, вроде бы наугад, и разворачивает, демонстрируя изображения фантастических существ. Немного ими полюбовавшись, он возвращает свиток на место. – Вот эти я перечитывал снова и снова. Постоянно отправлялся искать приключения с каким-нибудь волшебным существом. С драконами, бисю, фениксами».

Что-то сказанное им будит во мне воспоминание, и я осторожно спрашиваю:

«Кажется, была какая-то история про бисю и про то, как наши предки лишились слуха?»

На самом деле вымышленные существа меня не интересуют, но я надеюсь, что Старейшина Чэнь скажет про звук что-то полезное для меня.

«Да, просто сказка. Моя мама ее часто рассказывала. По преданию, давным-давно бисю бродили по нашему поселку. А потом они решили отдохнуть и забрали с нашей горы все звуки, чтобы они не мешали им мирно спать».

Это глупое объяснение нашей глухоты, но оно не абсурднее множества других. Ходит масса рассказов о том, почему исчез слух. Многие из них связаны с божественной карой. Я надеюсь, что Старейшина Чэнь еще что-то добавит про исчезновение звука, но он погружается в свои мысли, и я понимаю, что бисю его занимают гораздо больше, чем звук.

«Я всегда мечтал изобразить бисю, – замечает он. – Как крылатых львов. Представляешь себе? Наставник, бывало, ругал меня за то, что мои мысли витают в облаках».

Заметив, как меня изумляет это признание, он снова смеется.

«Да, не одна ты уходишь в грезы. Ты напоминаешь мне меня самого в твоём возрасте. – Он делает паузу, и все его веселье уходит. – Вот почему я хочу, чтобы ты пошла со мной».

Он поворачивается, и я поспешно иду за ним. У меня колотится сердце. Может, он узнал, что со мной произошло? Кто-то на меня донес? С жутким страхом я

следую за ним по школе. Отчасти я даже рада возможности открыть свой секрет. Ведь, несмотря на то что в трудах Фэн Цзе очень много информации о слухе, там не упоминается о том, как или почему он может вернуться после того, как отсутствовал на протяжении жизни многих поколений. Насколько я знаю, никто никогда о таком не писал – потому что такого никогда не случилось.

Наставник Чэнь приводит меня в небольшую комнату, где обычно бывают только Наставники. Там я обнаруживаю Чжан Цзин: она стоит перед Старейшиной Лянь, а рядом уселись другие Старейшины. Один взгляд на сестру, и я понимаю: я тут вообще ни при чем.

Старейшина Лянь удивлена нашим появлением.

«Что здесь делает Фэй?»

«Я счел правильным, чтобы она здесь присутствовала», – отвечает Старейшина Чэнь.

«Это ее никак не касается!» – заявляет Старейшина Лянь.

«Я – ее единственная родня, – поспешно вмешиваюсь я, хоть и понимаю, что это нахальство. – Если у нее неприятности, я должна об этом знать».

Во взгляде Старейшины Лянь вспыхивает торжество.

«Ты уже какое-то время знаешь, что она слепнет, верно?»

Я ничего не отвечаю.

«Среди художников места слепоте нет! – объявляет Старейшина Лянь, снова глядя на Чжан Цзин. – Ты больше не подмастерье. Забирай свои вещи и уходи».

Чжан Цзин не в состоянии говорить. Она так побледнела, что я боюсь, как бы она не упала в обморок. Мне хочется броситься ее утешать, но вместо этого я смело делаю шаг к Старейшине Лянь.

«Она еще не слепая! – Я замечаю, что кое-кто из Старейшин держит в руках куски полотна – образцы прежних работ Чжан Цзин. – Посмотрите на это! У нее остались ее умения. Слепой этого делать не смог бы».

«Они не точные, – возражает Старейшина Лянь. – Дефектные. Мы знаем, что ты ее покрывала. Отчеты должны быть безупречными, а это требует безупречного зрения».

«Ей может стать лучше!» – протестую я.

Старейшина Лянь скептически хохочет. Мне этот звук не нравится. Он резкий и противный.

«Ни у кого зрение не улучшается, – говорит Старейшина Лянь. – Мы все это знаем. Радуйся, что она видит достаточно хорошо, чтобы присоединиться к шахтерам. По крайней мере, там она сможет быть полезной. Это лучше попрошайничества».

Передо мной встает образ попрошаек из центра поселка, и я даже вижу среди них Чжан Цзин. Становится тошно. Однако, если Чжан Цзин присоединится к шахтерам, это будет почти так же плохо. Я вспоминаю Ли Вэя и его отца; при плохом зрении шахты очень опасны. А еще я вспоминаю, что при всем том пайки шахтеров меньше тех, которые мы получаем здесь. Вот почему тот слуга попытался украсть еду для родных.

«Не прогоняйте ее отсюда, – неожиданно говорю я, обращаясь ко всем Старейшинам. – Среди прислуги ведь появилось место, верно? После вчерашней кражи? Пусть его займет Чжан Цзин. Пожалуйста! Ее зрения вполне достаточно, чтобы выполнять такие обязанности».

Я не знаю, так ли это. Я никогда особо не задумывалась о том, чем заняты слуги. В этом не было нужды. Однако это лучше, чем работа в шахте или нищенство.

Потрясенный взгляд, который бросает на меня Чжан Цзин, говорит, что она с этим не согласна, но я знаком прошу ее не протестовать, пока Старейшины обдумывают мое предложение.

Старейшины обмениваются взглядами, и в итоге говорит Старейшина Чэнь.

«Действительно, вчера утром мы остались без уборщика. Чжан Цзин нужно место, и это место освободилось. Это удачно. Равновесие, верно?»

Старейшина Лянь смотрит на него скептически, но все же пожимает плечами:

«Я это позволю».

За холодной маской я вижу в ее глазах мимолетное сожаление. Возможно, ее первоначальное решение выгнать Чжан Цзин было порождено не столько жестокостью, сколько необходимостью. Старейшина Лянь сожалеет о том, что случилось с моей сестрой, но почему-то это только ухудшает дело.

Только теперь я до конца осознаю, что сейчас сделала. Моя сестра – служанка? Не просто служанка – уборщица? Мы так давно стали подмастерьями-художницами, что я начала воспринимать этот образ жизни как нечто само собой разумеющееся. От нас много требуется, но наша работа престижна. Мы можем гордиться тем, что наше ремесло делает жизнь в поселке упорядоченной и что спустя сотни лет наши потомки будут смотреть на наше творчество и извлекать из него уроки. Наше искусство останется, даже когда все мы уйдем. Мы заслуживаем почтительного отношения окружающих – такое, какое сегодня я видела от прислуги на кухне. Я внезапно представляю себе, как Чжан Цзин унижается так же, как они, – кланяется и старается не встречаться с художниками взглядом. Что еще хуже, я представляю себе, как она моет полы или выполняет еще какую-то недостойную работу.

Я вижу во взгляде Чжан Цзин отчаяние, но тем не менее она моментально дает подобающий ответ. Она трижды кланяется Старейшине Чэню.

«Спасибо, Наставник. Это большая честь. Я буду исполнять мои новые обязанности с таким же достоинством, как и прежде».

У меня сжимается сердце. Честь? Тут никакой чести нет, но я хотя бы смогу спокойно спать, зная, что у сестры есть крыша над головой и еда. Старейшина Чэнь отсылает нас взмахом руки. Поклонившись, мы выходим в коридор и идем к спальне для девушек.

«Не тревожься, – говорю я Чжан Цзин. – Как только твое зрение восстановится, тебе вернут место подмастерья».

Она останавливается и грустно качает головой:

«Фэй, мы обе знаем, что этого не будет. Мне надо смириться с моей жалкой судьбой».

«Жалкой? Но ты же там их благодарила!»

«Конечно, – отвечает она. – Мне пришлось, чтобы не уронить твоей чести, после того, как ты за меня попросила. Но я бы предпочла достойно уйти и отправиться в шахты, а не ютиться в тени моего прежнего положения».

Словно подтверждая ее слова, мимо нас проходит слуга с метлой, убирая грязь, принесенную ногами подмастерьев. Звук, который издают прутья метлы, довольно интересный, но я так расстроена и возмущена, что не могу над этим задуматься. Я могу понять разочарование Чжан Цзин, но как она может предпочесть оказаться на улице?

«Для тебя это хорошее место, – настаиваю я. – Ты здесь будешь в безопасности. Сыта. Защищена».

«Ну, это хоть что-то, – говорит Чжан Цзин. – Так мне хотя бы больше не придется врать, и работать здесь я смогу еще долго, даже если зрение и дальше будет ухудшаться. А потом мне все-таки придется искать другое место».

«Не надо так говорить! – протестую я. Я не в силах вынести эту мысль. – Пока мы вместе, все будет хорошо».

«Надеюсь», – отвечает она и крепко меня обнимает.

* * *

Когда мы возвращаемся в комнату, там нас ждет еще одна служанка.

«Мне велели показать тебе твоё новое жильё, – объясняет она Чжан Цзин. – Теперь ты будешь спать со слугами».

Прежнее спокойствие Чжан Цзин превращается в смущение. Она краснеет. Остальные девушки замирают и глазят на нас, изумленные этим известием. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы от ярости не замахать кулаками или лягнуть что-нибудь. Высказывая свою просьбу, я такого не ожидала. Мало того, что Чжан Цзин понизили статус, теперь её от меня забирают! Кто о ней позаботится, если рядом не будет меня? С тех пор как умерли наши родители, мы с ней были неразлучны. Как я могу жить дальше без неё – тем более в такой необычный и пугающий момент? Как мне справиться с этим полчищем звуков, которые на меня сыплются, если я не смогу опираться на неё?

Чжан Цзин высоко держит голову, собрав всю свою гордость до последней крохи. Она складывает свои немногочисленные вещи, не реагируя на скрытые разговоры, которые то и дело вспыхивают среди наших однокашниц. Мне хочется заставить их всех замолчать, сказать, что это – временно... Но я ничего не могу ни сказать, ни сделать. Служанка уводит Чжан Цзин. Сестра дарит мне прощальную теплую улыбку и скрывается за дверью, и впервые в жизни я чувствую себя по-настоящему одинокой.

Глава 4

Этой ночью мне снится, что я оказалась в доме, где на стенах вырезаны хризантемы – такие же, как на том пеньке. Резьба красивая и сложная, но совершенно не функциональная. Восхищаясь этим фантастическим домом, я снова не могу отделаться от ощущения, будто что-то меня зовет. Кажется, будто из моей груди выходит канат, который куда-то тянет. Это очень странно, но хотя бы этот сон тихий и даёт мне передышку от шумов, которые бомбардировали меня весь день.

Новый набор звуков пробуждает меня ото сна – последовательность отрывистых звуков, возникающих одновременно, снова и снова, и с огромной частотой. Я сажусь на постели, пытаюсь определить их источник. Слабый утренний свет, проникающий в окна, очень тусклый, и серое небо даёт мне ответ. Это – звук дождя, бьющего по зданию.

Когда я иду со всеми завтракать, живот у меня сводит спазмами. Мне и хочется, и страшно увидеть Чжан Цзин. Ее отсутствие причиняет мне боль, как незаживающая рана, и в то же время я боюсь увидеть ее в принятой новой роли. Однако, что бы ей ни поручили делать, это не включает в себя нашу с ней встречу. Я отправляюсь в студию помогать остальным завершать отчеты, после чего мы проделываем наш обычный путь к центру поселка и расходимся по наблюдательным постам.

Когда я подхожу ко входу в шахты, дождь уже прекратился, что немного радует. Погода по-прежнему сырая и унылая. Болезненно переживая за сестру, я сижу на пеньке и прикасаюсь к резным хризантемам, вспоминая сон этой ночи. Голова у меня тоже болит: все утро пришлось терпеть лавины новых звуков. Вчера я ходила в библиотеку, пытаюсь найти сведения о том, что именно могло вернуть слух, а теперь гадаю, нет ли способа снова от него избавиться. Не могу понять, почему наши предки считали слух таким чудесным, почему так горевали о его исчезновении. Он раздражает и отвлекает, мешает на чем-то сосредоточиться. Как эти дополнительные воздействия могут чем-то помочь в жизни?

И, что еще более непонятно, почему это происходит именно со мной? В давних рассказах говорится, что люди начали глохнуть группами. Если способность слышать к нам возвращается, то разве это не должно происходить одновременно со многими людьми? Вчера перед сном в студии я внимательно просмотрела дневные отчеты и даже поспрашивала других подмастерьев, не происходило ли днем чего-то необычного и не замечали ли они каких-то странных рассказов. Я списала это на любопытство из-за того, что сама пропустила наблюдения, но втайне я надеялась, что, может, другие переживают то же, что и я, и что мне можно будет заговорить об этом и добиться хоть какого-то понимания.

Я по-прежнему не знаю, что делать. Следует ли рассказать об этом Старейшинам? Не сочтут ли меня безумной? Порой начинает казаться, что, возможно, я и правда сошла с ума. Конечно, мои ощущения совпадают с тем, что нам известно о звуке и слухе, но, может, мне просто кажется, будто я все это испытываю? Может, какая-то давняя легенда задержалась у меня в подсознании, а теперь вот так дает о себе знать? По правде говоря, это объяснение кажется более убедительным, чем то, что я внезапно стала единственной, чудом обретшей слух.

Засасывающая меня черная воронка тревог замирает на месте, когда я слышу то, что уже стала опознавать, как звук шагов и движений людей. Я поднимаю голову, пытаюсь определить его источник, и понимаю, что он доносится от входа в шахту. Я вскакиваю на ноги и спешу подойти, как раз успеваю увидеть, как появляется группа рабочих. Они несут что-то... Нет – кого-то. Я отступаю, чтобы дать им дорогу, и в ужасе смотрю, как они кладут на землю Бао. Кто-то знаками просит воды, но другой качает головой и говорит: «Поздно». У Бао закрыты глаза, на виске – кровь, свежая кровь, а не след вчерашней раны. Он не шевелится.

Во мне поднимается какое-то чувство, но я продираюсь сквозь него, зная, что у меня есть свои обязанности. Похлопав по плечу одну из работниц, я спрашиваю:

«Что случилось?»

Она кланяется, отдавая дань уважения мне и моей роли, и только потом отвечает:

«Кусок стены стал неустойчивым. Бригадир повесил плакат с предупреждением, чтобы мы туда не подходили, но Бао его не увидел».

Кто-то проталкивается сквозь толпу. У меня сжимается сердце: я узнаю Ли Вэя. Он останавливается, стирает со лба пот и жадно озирается. Его черные глаза смотрят пристально и встревоженно. Увидев отца, Ли Вэй на удивление быстро устремляется к нему и опускается рядом со стариком на колени. Если накануне Ли Вэй был полон жара и негодования, то сегодня он – воплощение нежности и сострадания. Едва дыша, я смотрю, как он ласково прикасается к лицу Бао, надеясь, что тот отреагирует. Меня охватывает нестерпимое желание броситься утешать Ли Вэя, но я остаюсь на месте. На его лице быстро появляется выражение безнадежности: он понимает то, что остальные уже осознали. Бао больше нет. Безнадежность сменяется смесью ярости и горя. Ли Вэй сжимает кулаки и открывает рот.

Из него вырывается звук – такой, какого я еще не слышала. На самом деле от людей я звуков почти не ловила. Нам нет нужды их издавать. Поселяне очень давно перестали общаться с помощью ртов и голосов. Однако инстинкт издавать звуки сохранился, особенно в моменты бурных эмоций. Я сама ощущала колебания, когда рыдала, когда издавала горестные вскрики, хотя, конечно,

тогда я понятия не имела, как это звучит.

Теперь я это знаю, и, слушая Ли Вэя, я холодею. Мне вспоминается отрывок из текста Фэн Цзе:

«Вопль – этот звук, который мы издаем под действием сильных чувств (крик страха, возглас изумления), часто бывает пронзительным. Он может быть коротким или продолжительным. А еще криком может сопровождаться радость или веселье, хотя это чаще все-таки визг. А вопль горя или ярости... Ну, это нечто совсем другое. Он исходит из темных глубин, из недр нашей души, и когда мы кричим в такие моменты, когда мы горюем или злимся, при этом присутствует ужасное осознание того, что мы даем выход нашим чувствам, – таким, которые наше сердце просто не может вместить».

И под крик Ли Вэя я понимаю, что Фэн Цзе права. Сейчас я слышу его сердце; он изливает свою боль от потери отца извечным и гораздо более красноречивым способом, чем это могут сделать любые слова. Этот звук прекрасен и ужасен, он исходит из его сердца и трогает что-то в моем. Именно так кричала моя душа после смерти родителей, но до этой минуты я об этом не подозревала.

Ли Вэй пытается взять себя в руки и обводит взглядом тех, кто собрался вокруг.

«Так не должно было быть! – говорит он толпе. – Он не должен был работать внизу, раз зрение начало ему изменять. Об этом многие из вас знали. И бригадир знал. Вот только все притворялись, будто ничего не замечают. Сколько среди вас еще таких же? Сколько скрывают свою проблему, чтобы продолжать работать?»

На этот вопрос никто не отвечает, но один из мужчин в конце концов отваживается сказать:

«Нам надо работать, иначе нам нечего будет есть».

«Только потому, что вы такое допускаете! – возражает Ли Вэй. – Вы поддерживаете эту систему, продолжая оставаться ее частью. Если вы и дальше будете без возражений отправлять металлы к подножию горы, никаких изменений не будет».

«Пока мы отправляем вниз металлы, у моих детей есть чем обедать, – откликается одна из женщин. – Если еды не будет, они умрут с голода. Я сотру пальцы до кости, лишь бы этого не случилось».

Несколько шахтеров кивают, поддерживая ее.

«Но должен же быть иной путь! – заявляет Ли Вэй. – Если вы слепнете, то хотя бы не выходите на работу. Не спускайтесь в шахту, рискуя своей жизнью и жизнью других. Не заканчивайте так, как он».

С полными слез глазами он хватается отца за рукав.

Остальные шахтеры смущенно переминаются с ноги на ногу, но его призыв никто не подхватывает. Наконец один из мужчин сочувственно хлопает Ли Вэя по плечу, а потом говорит просто:

«Нам надо возвращаться работать. За священником для твоего отца уже послали. Соболезную твоей потере».

Другие тоже выражают свое сочувствие и уходят ко входу в шахту. Вскоре появляются послушники нашего поселкового священника. Они бережно накрывают тело Бао, а потом поднимают и уносят подготавливать. Ли Вэю говорят, что он сможет увидеть тело на закате, а потом состоятся похороны. Ли Вэй никак не реагирует, когда они уносят его отца.

Вскоре мы остаемся одни. Ли Вэй бьет кулаками по раскисшей земле и опять издает крик бессильной ярости. Я потрясена той силой и чувствами, которые заключаются в голосе человека. Впервые за то время, как у меня появилась эта странность, я начинаю понимать возможности этого явления и то, почему наши предки горевали из-за исчезновения слуха. Все окружающие меня звуки – возобновившийся шум дождя, ветер в листве – внезапно приобретают новый смысл. Я осознаю, что они не столько мешают окружающему миру, сколько делают его интенсивнее. Масштаб и возможности просто ошеломляют. Я словно получила новую краску для живописи.

Ли Вэй поднимается на ноги и замечает, что я все еще рядом. Его темные глаза впиваются в меня. Отражающиеся на его лице чувства поражают своей противоречивостью, рост и сложение делают его фигуру особенно

внушительной. Его по-прежнему окружает атмосфера глубокого горя. Я понимаю, надо что-то сказать, как минимум выразить соболезнования. Но я все еще не опомнилась, все еще потрясена тем, как на меня подействовал его горестный крик. Его голос стал первым голосом человека, который я услышала не во сне, и это воздействие просто ошеломляющее. Я могу только неподвижно стоять на месте.

Ли Вэй возмущенно фыркает и стремительно идет прочь. Это внезапное действие выводит меня из оцепенения. Я понимаю, что он счел меня невежливой и холодной, и чувствую себя просто ужасно. Бросить пост наблюдения – серьезный проступок, но мне невыносимо вот так отпустить его, когда он решил, что я осталась равнодушной к смерти его отца. Я колеблюсь всего секунду, а потом оставляю шахту и бегу следом за Ли Вэем. Когда я догоняю его на дороге, идущей вдоль обрыва, то хлопаю его по плечу, и он оборачивается с такой яростью, что я вздрагиваю и отступаю на несколько шагов.

«Что тебе нужно?» – спрашивает он.

Я понимаю, что его ярость – это попытка спрятать душевную боль.

«Ли Вэй, мне жаль твоего отца. Мне так жаль! – говорю я. – Я знаю, что ты сейчас чувствуешь».

Он мотает головой:

«Весьма в этом сомневаюсь».

«Ты же понимаешь, что я знаю! – укоряю я его. – Ты ведь помнишь, что я лишилась родителей».

«Да. – В его взгляде появляется закономерный стыд, но очень скоро возмущение возвращается. – Они умерли от лихорадки, как и моя мать. Но это – другое. Никто из них тут ничего поделывать не мог. В отличие от моего отца. Он не должен был работать, раз начал терять зрение! Я мучился каждый день, видя, как он спускается в эту шахту. Это была смертельная ловушка. Я знал, что рано или поздно так и будет, а он отказывался прекратить работать и стать нищим».

«И это я тоже понимаю, – говорю я ему. – Чжан Цзин... Она слепнет. – Я прерываюсь, потрясенная тем, в чем впервые кому-то призналась. – Наши Наставники это заметили, и она больше не может быть подмастерьем. Нам пришлось искать выход, принимать трудное решение, чтобы избавить ее от попрошайничества».

Ли Вэй замирает, глядя на меня с новым интересом.

«И что вы сделали?»

Я глубоко вздыхаю, мне до сих пор трудно смириться с судьбой Чжан Цзин.

«Она станет домашней прислугой при „Дворе Зимородка“».

Он недоуменно смотрит на меня, а потом возмущенно скидывает руки:

«И это ты называешь трудным решением? Ее перевели на хорошую, безопасную работу, где ее ждет нормальное питание и отсутствие риска! Ты колебалась из-за этого и считаешь, будто у тебя есть хоть что-то общее со мной или другими шахтерами?»

Я понимаю, что эти резкие слова порождены горем, и стараюсь ответить спокойно.

«Я говорю, что понимаю, каково это – так бояться за человека, который тебе дорог. Видеть, как переворачивается твоя жизнь. Ты не единственный, с кем это происходит».

Он по-прежнему не успокоился, но старается взять себя в руки.

«Твоя жизнь изменилась, но я бы не сказал, что она перевернулась. Пока – нет, – говорит он. – И вот этого-то, похоже, никто не понимает, Фэй. Все знают, что дела обстоят плохо, но все считают, что, если мы и дальше будем жить так, как жили всегда, все будет хорошо. А вместо этого мы просто движемся к полному мраку и катастрофе. Разве ты этого не видишь?»

Я хочу ответить, но тут меня отвлекает звук, которого я никогда прежде не слышала. Он просто невероятный, и мне отчаянно хочется снова его услышать. Не в силах справиться с собой, я поворачиваю голову в его сторону и вижу синий промельк. Это дрозд, такого я недавно видела. Он сидит на ветке дерева и открывает клюв, издавая дивный звук... Песню? Мне ужасно хочется, чтобы птица запела снова, однако дрозд взлетает и исчезает из вида.

Я потрясенно гляжу ему вслед, а потом, смутившись, снова поворачиваюсь к Ли Вэю. Он смотрит на меня с законным недоумением, а потом качает головой:

«Вижу, что этот разговор тебе не интересен».

«Нет, постой. Он мне интересен!» – возражаю я, но он уже от меня отвернулся.

Я тянусь и хватаю его за руку. Стоит кончикам моих пальцев прикоснуться к его коже, как он поворачивается обратно с поражающей меня стремительностью. Наверное, в моих глазах отражаются мои чувства, потому что его лицо смягчается. Моя ладонь лежит на его руке, и у меня кружится голова от осознания, что нас разделяет всего пара пядей. А еще я вдруг вспоминаю, что, хоть мы часто держались за руки и мечтали о будущем, мы ни разу не поцеловались.

Я поспешно отдергиваю руку и отступаю на шаг, надеясь, что мои мысли не так легко читаются.

«И что ты тогда предлагаешь? – спрашиваю я. – Что, по-твоему, нам надо делать, чтобы отвлечь мрак и катастрофу?»

Он еще несколько мгновений пристально смотрит на меня. Этот взгляд окутывает меня так, что становится трудно дышать.

«Мы начнем с того, что покончим с системой доставки, – отвечает он наконец. – Именно она нас поработала, из-за нее мы оказались в этом жалком состоянии».

Я не могу скрыть потрясения. На мгновение я забываю о нашем общем прошлом.

«И как мы покончим с системой доставки?»

Ли Вэй указывает на обрыв.

«Отправившись к Хранителю Дороги. Разобравшись во всем. Либо он разумный человек и поймет нашу беду, либо он тиран, которого надо свергнуть».

Мне уже встречались люди, желающие говорить с Хранителем Дороги, но, глядя в глаза Ли Вэю, я понимаю: кажется, он первый, кто всерьез решился это сделать. И мысль об этом внезапно пугает меня. Пусть я добровольно отвернулась от него, становясь подмастерьем, но я хотя бы знала, что он жив и здоров, что он остался в нашем поселке, а не пытается повернуть какое-то невероятно опасное предприятие.

«И как ты это сделаешь? – спрашиваю я. – Спустишься вниз по скалам?»

«Да», – отвечает он, вызывающе скрещивая руки на груди.

«Это самоубийство! Человеку спускаться слишком опасно. Такого не делали уже много веков! С тех самых пор, как наши предки потеряли способность слышать падающие камни...»

Я прерываю свою отповедь, бессильно опуская руки. Глубокий смысл того, что я только что сказала, кажется мне оплеухой, от которой меня шатает. Вся мою жизнь все в поселке считали, что вниз спуститься никто не сможет. Это слишком опасно из-за того, что склон неустойчив, а обвал услышать нельзя. Все повторяли это снова и снова. Я и сама так говорила, бездумно повторяя печальную истину. И все же... Сейчас я стою, внезапно осознав, что теперь это перестало быть истиной. Теперь кто-то способен услышать камни. Я. Но что это должно означать? И хватит ли этого, чтобы действительно все изменить?

Не зная, о чем я думаю, Ли Вэй решает, что я просто слишком испугана или потрясена его предложением.

«Именно поэтому ничего не меняется! – властно заявляет он. – Все цепляются за то, как все устроено. И это устройство нас убивает. Если нам так и так надо умереть, то я предпочту смерть при попытке что-то изменить – при попытке спасти себя и остальных. Нельзя просто покорно терпеть день за днем. Жизнь должна иметь какой-то смысл, в ней должна быть надежда».

Я не отвечаю, и он опять толкует это как осуждение и страх. Обычно я реагирую очень быстро, но за последние два дня произошло слишком много событий. Даже если бы я доверяла Ли Вэю настолько, чтобы поделиться своими чувствами, я не уверена, что смогла бы облечь их в нужные слова. Все это настолько непривычно и ново, что я продолжаю ошеломленно стоять на месте.

На дороге появляется несколько шахтеров. Ли Вэй напрягается и отвешивает мне почтительный поклон.

«Спасибо за ваши соболезнования, подмастерье», – говорит он благопристойно, а потом поворачивается и уходит.

Глава 5

До конца дня я хожу как во сне. Делаю все что положено. Возвращаюсь на свое место у входа в шахту и уношу мои заметки в школу, чтобы изобразить отчет. Постороннему наблюдателю я кажусь такой же, как всегда. А вот внутри меня все изменилось. Весь мой мир переменялся, и я не знаю, как с ним свыкнуться.

Я делаю то же, что и всегда, но рядом со мной нет сестры. До сегодняшнего дня я толком не осознавала, насколько само собой разумеющимся я считала ее присутствие. Теперь все, что я делаю, кажется мне неполным. За обедом на месте Чжан Цзин со мной сидит другой ученик. В нашей спальне с ее опустевшей кровати забрали постельные принадлежности. Но острее всего свою потерю я ощущаю в студии. Старательно изображая свою часть отчета, я ловлю себя на том, что все время бросаю взгляды туда, где раньше работала она. И каждый раз при виде пустующего места я с новой силой ощущаю боль.

Я испытываю огромное облегчение, когда приходят Старейшины и объявляют, что нам разрешено раньше закончить вечерние труды, но только до того мгновения, когда я понимаю: нас отпустили, чтобы мы смогли пойти на похороны Бао, если пожелаем. Некоторые подмастерья предпочитают продолжить работу. Я прерываюсь, желая убраться из этого помещения с его воспоминаниями. Я надеюсь улизнуть обратно в библиотеку и попытаться понять, почему эти звуки мучают меня – и никого больше. Я еще раз проверила все записи и пока остаюсь единственным человеком, испытывающим подобное.

Когда я оказываюсь в коридоре вместе с теми, кто решил уйти, замечаю Чжан Цзин – она сметает в коридоре грязь. Я впервые увидела ее в этой новой роли, и у меня чуть не остановилось сердце. На ней темная одежда прислуги, голова почтительно опускается, когда мимо нее проходят остальные. Я замираю, проверяя, не скажет ли кто-то что-нибудь, не прокомментирует ли ее новое положение... Однако никто ничего не говорит. На самом деле ее как будто не заметили. В чем-то это даже хуже, чем если бы кто-то бросил презрительное замечание. Для всех остальных она стала невидимкой. Даже больше – она стала для них никем.

Когда остальные уходят, я останавливаюсь перед ней, но она быстро делает мне знаки:

«Прошу тебя, Фэй, не надо! Ты делаешь только хуже».

Меня передергивает от ее слов, будто это я довела ее до такого состояния.

«Ты в безопасности, – говорю я ей. – Это главное. Я просто хотела, чтобы у тебя все было нормально».

Секунду она смотрит в никуда, а потом тяжело вздыхает и отвечает мне:

«Сегодня у меня все нормально. Завтра и послезавтра тоже будет нормально. Дальше... Кто может знать? Но нет смысла заглядывать настолько далеко. Я сосредоточусь на том, чтобы жить одним днем, и буду надеяться, что мое зрение еще хоть сколько-то времени сохранится».

В этот момент по коридору проходит еще один подмастерье. Он вежливо кивает мне, а потом изумленно застывает, узнав Чжан Цзин. Секунду он удивленно рассматривает ее костюм служанки, а потом смущается из-за того, что его поймали на любопытстве. Быстро отведя взгляд, он поспешно уходит. Снова посмотрев на Чжан Цзин, я вижу, что она раздосадована.

«Лучше тебе уйти, пока больше никто тебя не увидел, – говорит она. – Не надо привлекать к нам обеим внимание. Твое положение по-прежнему поддерживает высокую репутацию семьи».

«Прости, – говорю я ей, чувствуя, что у меня глаза наполняются слезами. – Я не хотела, чтобы так получилось».

«Мы обе не хотели, чтобы так получилось, – отвечает она. – Нам надо стараться принимать все, как есть. И я понимаю, что ты сделала все что могла. Я благодарна».

Она берет метлу и продолжает мести коридор, оставляя меня стоять на месте. Я чувствую себя просто ужасно. Я действительно сделала все что могла? А может, я могла еще как-то ей помочь? Ее слова заставляют вспомнить, что заявил мне Ли Вэй, перед тем как удалиться: «Нельзя просто терпеть день за днем. Жизнь должна иметь какой-то смысл, в ней должна быть надежда».

Я внезапно понимаю, что он имел в виду, и в горле у меня встает ком. Чжан Цзин смирилась с тем, что ей можно надеяться выжить еще немного, надеяться, что слепота не наступит еще один день, мысленно отодвинуть тот момент, когда ей придется присоединиться к попрошайкам. Это ужасное, мрачное существование. Это вообще не жизнь.

Когда она скрывается за углом, я неожиданно обнаруживаю, что направляюсь к ближайшей двери. Мои намерения пойти в библиотеку забыты, вместо этого я присоединяюсь к тем, кто шагает к центру деревни на похороны Бао, назначенные на время заката. Я толком не знаю, что меня туда влечет. Сначала мне кажется, что беда Чжан Цзин заставила меня острее осознать трагичность того, что случилось с Бао. Однако когда я оказываюсь рядом с толпой, собравшейся на церемонию, то понимаю, что привело меня сюда на самом деле.

Ли Вэй.

Впервые за долгое время при взгляде на него я не вспоминаю тот сверкающий образ из детства. Неумолимое влечение и эмоциональные последствия ухода к художникам по-прежнему меня жгут, но и эти чувства на какое-то время приглушаются. Сейчас к нему меня притягивают его потеря и его ярость из-за ситуации, в которой оказались мы все. Это созвучно той боли, которая меня терзает из-за Чжан Цзин, и, хотя я не уверена, что он захочет со мной разговаривать, я понимаю, что должна попробовать с ним поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19416115&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.me/ru/raychel-mid/bezmolvnaya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)